

Серафина

СЕРАФИНА

Продолжение следует...

Серафина

← РЭЙЧЕЛ ХАРТМАН →

Freedom
Москва
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х22

Rachel Hartman
SERAPHINA

Copyright © Rachel Hartman, 2012

This edition published by arrangement with Writers House LLC
and Synopsis Literary Agency.

Хартман, Рэйчел.

Х22 Серафина / Рэйчел Хартман ; [перевод с английского
Е. Сибуль]. — Москва : Эксмо, 2019. — 512 с. — (Young
Adult. Бестселлеры).

ISBN 978-5-04-105518-9

Лучшая молодежная книга года по версии «Kirkus Reviews»

Лучшая молодежная книга года по версии «School Library
Journal»

Премия Уильяма Морриса за лучший дебютный роман для
молодежи

Премия Cybil за лучшее молодежное фэнтези

Серафина — полукровка и наполовину дракон. Мать де-
вушки нарушила древний закон, выйдя замуж за человека. В
мире, где людям и драконам запрещено испытывать друг к дру-
гу чувства, — это страшное преступление.

Драконы презирают людской род. А проявление любви
считают и вовсе слабостью. Раздираемая противоречиями, ве-
дущая двойную жизнь Серафина понимает, что только ей под
силу положить конец вековой вражде людей и драконов. И для
этого девушка не пожалеет буквально ничего...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Сибуль Е., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-105518-9

*В память о Майкле МакМекане
Дракону, учителю, другу*

Персонажи

Дом Домбегов

Серафина Домбег — наша очаровательная героиня, часто называемая Финой.

Клод Домбег — ее отец, юрист, хранящий тайну.

Амалин Дуканахан — фальшивая мать Фины.

Линн — настоящая мать Фины, увы.

Орма — таинственный ментор Фины.

Зейд — бывшая учительница Фины, дракон.

Энн-Мари — не такая уж злая мачеха Фины.

Тесси, Жанна, Пол и Недвард — относительно злые сводные сестры и братья Фины.

Королевская семья Горедда

Королева Лавонда — монарх, который контролирует драконов.

Принц Руфус — единственный сын королевы, таинственно убит.

Принцесса Дион — хмурая дочь королевы, первая в очереди наследников на трон.

Принцесса Глиссельда — веселая дочь принцессы Дион, вторая в очереди наследников на трон.

Принцесса Лорель — дочь королевы, погибшая после побега.

Принц Люсиан Киггз — к стыду принцессы Лорель, ее бастард, жених принцессы Глиссельды, капитан королевской стражи, обладатель слишком многих характеристик.

При дворе

Виридиус — вспыльчивый придворный музыкант.

Гунтард — профессиональный музыкант.

Щуплый игрок на сакбуге — именно тот, кого вы представляете.

Леди Мелифрен — любимая придворная дама принцессы Глиссельды, называемая Милли.

Леди Коронги — гувернантка принцессы Глиссельды, старый деспот.

Дама Окра Кармин — нинийский посол, старая дорогуша.

Джозеф, граф Апсига — лордик Самсама.

Регент Самсама — регент Самсама.

Граф Пезавольта — правитель Ниниса.

Наши друзья-драконы

Ардмагар Комонот — лидер драконов.

Посол Фульда — дракон с наилучшими манерами.

Заместитель секретаря Эскар — лаконичная заместительница командира.

Базинд — новокожий.

Благородные изгнанные рыцари

Сэр Карал Халфхолдер — повинуется закону, даже если адские демоны — нет.

Сэр Кутберт Петтибоун — его товарищ, не такой юморист.

Сэр Джеймс Пискод — когда-то отличавший генерала Ганна от генерала Гонна.

Сквайр Маурицио Фоуфо — один из последних практиков дракомахии.

Сквайр Пендер — второй оруженосец.

В городе

Сыновья святого Огдо — недовольные договором.

Ларс — гений за часами.

Томас Бродвик — торговец тканью.

Сайлас Бродвик — причина, по которой торговцы называют себя «Братья Бродвик. Торговцы тканями».

Абдо — танцор в пигегирийской труппе.

Пигегирийская труппа — остальная их часть.

В голове Финны

Фруктовая Летучая Мышь — тот, кто забирается на деревья.

Человек-пеликан — делает удивительное «удивительным».

Мизерер — пернатый.

Тритон — барахтающийся.

Громоглас — шумный.

Джаннула — чересчур любопытная себе же во вред.

Мисс Суетливость — капризная.

Пандовди — болотное существо.

Наг и Нагини — быстрые близнецы.
Гаргойелла и Зяблик — упомянутые мельком.
Еще пятеро — будут названы в следующих изданиях.

В Легендах и Вере

Королева Белондвэг — первая королева объединенного Горедда, герой национального эпоса.

Пау-Хеноа — ее компаньон, хитрый кролик, также известный как Безумный Король и Хен-Ви.

Святая Капити — покровительница Фины, олицетворяющая жизнь разума.

Святая Йиртрудис — пугающая еретичка, другая покровительница Фины, увы.

Святая Клэр — глубокомысленная дама, покровительница принца Люсиана Киггза.

Пролог

Я помню свое рождение.

На самом деле, помню время и до него. Света не было, но звучала музыка: трещали суставы, стремительно неслась кровь, сердце пело отрывистую колыбельную. Помню насыщенную симфонию несварения. Звук окружал меня, и я была в безопасности.

А потом мой мир разорвался, и меня выпихнули на холодный тихий яркий свет. Я пыталась заполнить пустоту криками, но пространство было слишком большим. Я сердилась, но вернуться назад было нельзя.

Больше мне не удастся вспомнить ничего. Я была ребенком, пусть и необычным. Кровь и паника мало что для меня значили. Я не помню ужаса повитухи, не помню, как плакал мой отец или как священник читал заупокойную молитву над телом моей матери.

Моя мать наградила меня тяжелой ношей наследия. Отец скрывал жуткие вещи от всех, и я не была исключением. Мы все переехали в Лавондавилль, столицу Горедда, где отец продолжил заниматься юриспруденцией, словно ничего не произошло. Он создал иллюзию более подходящей ему мертвой жены. Я верила в нее, как некоторые верят в Небеса.

Я была требовательным ребенком. Я не сосала молоко, если кормилица не попадала в ноты.

— У него тонкий слух, — замечал Орма, высокий, угловатый знакомый моего отца, который часто приходил в те дни. Орма называл меня «оно», словно я была животным. А меня притягивала его отчужденность, как кошек тянет к людям, которые скорее бы избегали их.

Однажды весенним утром он сопровождал нас в собор, где молодой священник помазал мои короткие волосенки лавандовым маслом и сообщил, что я королева, признанная Небесами. Я ревела, как любой уважающий себя ребенок, и мои крики эхом отражались от стен нефа. Не поднимая взгляда от работы, которую принес с собой, мой отец пообещал воспитывать меня смиренной в вере всех святых. Священник дал мне псалтырь моего отца, и я уронила его, прямо там. Книга упала и открылась на иконе святой Йиртрудис, чей лик был неразличим.

Священник поцеловал костяшки своей руки, отставив мизинчик.

— В вашем псалтыре еретичка!

— Это очень старый псалтырь, — сказал папа, не поднимая глаз, — и я ненавижу портить книги.

— Мы советуем верующим-библиофилам склеивать страницу с Йиртрудис со следующей, чтобы не совершать таких ошибок. — Священник перевернул страницу. — Небеса совершенно точно намекали на святую Капити.

Папа пробормотал что-то о суеверных фальшивках достаточно громко, чтобы священник услышал. Между отцом и священником разгорелся яростный спор, но я не помню его. Я зачарованно смотрела на

процессию монахов, идущую по нефу. Они мягко ступали по залу и с шелестом темных мантий и щелчками четок заняли свои места в хоровом ансамбле. Сиденья заскрежетали, несколько монахов откашлялось.

И они начали петь.

Собор дрожал от мужских голосов и словно ширился на глазах. Солнце сияло сквозь высокие окна, золотой и красный расцветали на мраморном полу. Музыка придала сил моему маленькому телу, наполнила и окружила меня, сделала меня больше. Это был ответ на вопрос, который я никогда не задавала вслух: как заполнить ужасную пустоту, в которую меня вытолкнули на свет? Я верила — нет, я знала, — что могу пересечь пространство и коснуться сводчатого потолка рукой.

Я попыталась это сделать.

Моя няня взвизгнула, когда я чуть не вырвалась из ее рук, и неловко схватила меня за лодыжку. Я смотрела на пол, и у меня кружилась голова. Он словно наклонялся и крутился.

Отец поднял меня, обхватив длинными руками мое пухлое тело, и держал на вытянутых руках, рассматривая, словно необыкновенно большую и удивительную лягушку. Я заглянула в его серые, как море, глаза, от уголков которых расходились печальные морщинки.

Священник выбежал, так и не благословив меня. Орма наблюдал, как он исчезает за углом Золотого Дома, а потом сказал:

— Клод, объясни мне. Он ушел, потому что ты убедил его в том, что его религия — подделка? Или он... как это называется? Оскорбился?

Мой отец словно не слышал вопроса, что-то во мне привлекло его внимание.

— Посмотри в ее глаза. Я мог бы поклясться, что она понимает нас.

— Для ребенка у него ясный взгляд, — сказал Орма, поправляя очки и всматриваясь в меня. У Орма, как и у меня, глаза были темно-карими, но в отличие от моих они оставались далекими и непостижимыми, как ночное небо.

— Я не был готов к такому, Серафина, — тихо сказал папа. — Возможно, я никогда не буду готов, но я верю, что справлюсь с этим. Мы должны найти способ стать друг для друга семьей.

Он поцеловал мою покрытую пушком голову. Раньше он такого не делал. Я смотрела на него в восхищении. Жидкие голоса монахов окружали нас и держали всех троих вместе. На одно чудесное мгновение я ощутила то первородное состояние, которое потеряла, появившись на свет: все было, как должно было быть, и я находилась именно там, на своем месте.

А потом оно исчезло. Мы прошли через бронзовые ворота собора с рельефным орнаментом, музыка затихала позади. Орма устремился через площадь, не попрощавшись. Его плащ развевался за ним, и мужчина был подобен огромной летучей мыши. Папа передал меня няне, плотнее запахнул плащ и наклонился вперед, преодолевая встречные порывы ветра. Я кричала, звала его, но он не обернулся. Над нами аркой простиралось небо, пустое и очень далекое.

Суеверная фальшивка религия или нет, а послание псалтыря было ясным: *«Правду раскрывать нельзя. Но есть подходящая ложь».*

И дело не в том, что святая Капити — пусть сохранит меня в своем сердце — была плохой заменой Йиртрудис. На самом деле она была поразительно подходящей. Святая Капити несла в руках собственную голову на блюде, как жареного гуся, и дерзко взирала на меня со страницы псалтыря, словно приглашая бросить ей вызов. Она отождествляла силу разума, отсеченную от грязных помыслов тела.

Я ценила это деление, пока росла и наблюдала за своим телом, но уже в юном возрасте я проявляла наивное сочувствие к святой Капити. Кто полюбит человека без головы? Как она может совершить что-нибудь значимое, если ее руки заняты тарелкой? Были ли люди, которые принимали ее и называли своим другом?

Папа позволил няне склеить страницу святой Йиртрудис с Капити. Бедняжка не могла спокойно жить в нашем доме, пока этого не сделали. Я так и не увидела еретичку. Когда я подносила страницу к свету, то могла разобрать силуэты обеих святых, смешавшихся в одну чудовищную фигуру. Протянутые руки святой Йиртрудис выходили из спины святой Капити, словно пара никчемных крыльев. Голова Йиртрудис тенью высилась на том месте, где должна была находиться голова Капити. Это была двойная святая для моей двойной жизни.

Моя любовь к музыке наконец выманила меня из безопасного пространства отцовского дома, увлекая в город, к королевскому двору. Я ужасно рисковала, но не могла поступить иначе. Тогда я не осознавала, что на блюде перед собой я несу одиночество, а музыка станет сиянием, подсвечивающим сзади мой силуэт.